

МАТЕРИАЛЫ
XLIII
Международной
Филологической
конференции

11-15 марта 2014 г.
Санкт-Петербург
Выпуск 38

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА:
РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2014

ББК 81.2
М34

Ответственный редактор –
доктор филологических наук, профессор *Баева Г. А.*

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор *Т. П. Третьякова* (СПбГУ),
д-р филол. наук, профессор *М. А. Олейник* (КГУ),
канд. филол. наук, доцент *Г. С. Москалюк* (СПбГУ)

Рецензенты:
д-р филол. наук, профессор *В. И. Шадрин* (СПбГУ),
канд. филол. наук, доцент *И. В. Зайцева* (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

М34 Материалы XLIII Международной филологической конференции. 11-15 марта 2014 г.: История языка: романо-германский цикл. – СПб.: Филологический факультет, 2014. – 119 с.

Сборник подготовлен по материалам ежегодной международной научно-практической конференции СПбГУ и освещает современные исследования по истории германских и романских языков в широком диапазоне. В центре внимания исследователей различные аспекты исторического развития языка: от формирования и становления лингвистического терминологического аппарата и правил до коммуникативно-прагматических характеристик различных текстотипов и дискурсов.

Сборник предназначен для аспирантов, магистров и всех интересующихся проблемами развития языков и медиевистики.

ББК 81.2

ISBN 978-5-8465-1444-7

© Филологический ф-т СПбГУ, 2014
© Коллектив авторов, 2014

T. 1-2. Genève, 1679-1680.

Ronsard P. de. *Abregé de l'Art Poétique François // Recueil des Sonnets, Odes, Hymnes, Elégies, et autres pièces retranchées aux éditions précédentes des oeuvres de P. de Ronsard Gentilhomme Vendomois. Avec quelques autres pièces non-imprimées cy-devant.* Paris, 1609.

Sylvius I. In linguam Gallicam Isagwoqe, una cum eiusdem Grammatica Latino-gallica. Paris, 1531.

Vaugelas C.F. de. *Nouvelles Remarques de M. De Vaugelas sur la Langue Française. Ouvrage posthume.* Paris, 1690.

Vlassov S. Le traitement des diminutifs dans les grammaires et les remarques sur la langue française aux XVI-e et XVII-e siècles // *Langue littéraire et changements linguistiques.* Paris, 2006.

Wailly N. F. de. *Principes généraux et particuliers de la langue française.* Paris, 1786.

Волков С. С., Манерова К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАЯЗЫК СЛОВАРЯ

«М. В. ЛОМОНОСОВ И КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ XVIII ВЕКА», ЕГО ЗАДАЧИ, ФУНКЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*«Задачи авторского словаря
не могут быть исчислены во всех подробностях...»*

(Г. О. Винокур)

В 1966 г. в программной статье «О задачах изучения лексики русского языка XVIII века» выдающийся петербургский лексиколог и историк языка Ю. С. Сорокин писал: «<...> в этот период (т.е. в XVIII веке – *авт.*) усиливается приток и проникновение в лексическую систему иноязычных заимствований – прямое следствие еще распространенного в образованной среде двуязычия, чрезвычайно интенсивной переводческой деятельности и недостаточности во многих случаях готовых «местных» средств» (Сорокин 1966: 22). Языковые контакты между русской языковой системой и системами западноевропейских языков (французского, немецкого, итальянского и в меньшей степени английского) в условиях петербургской и московской контактных зон уже получили лингвоцентрическое описание в исследованиях Л. Л. Кутиной, Л. А. Войновой, Е. Э. Биржаковой, Г. Хютль-Фольтер (Gerta Hüttl-Folter), Г. Кайперта (Helmut Keipert), В. М. Живова, Б. А. Успенского, С. Кохмана (Stanislaw Kochman), Т. А. Лисицыной, В. М. Круг-

лова, и мн. др. В значительно меньшей степени внимание современных исследователей привлекали случаи «распространенного в образованной среде двуязычия», то есть случаи исторического билингвизма в XVIII веке. Статьи А. А. Алексеева «Эволюция языковой теории и языковая практика Тредьяковского» (1982/2013), Б. А. Успенского «Языковая программа раннего Тредьяковского» (1985/2008) и, наконец, публикация Е.Э. Бабаевой рукописного русско-французского словаря князя А. Д. Кантемира представляют собой скорее приятное исключение. Важно, что менее всего такие интересные культурно-языковые ситуации подвергались лингвистическому анализу с *антропоцентрической* точки зрения: в этом случае внимание исследователя сфокусировано более всего на *субъекте* билингвизма (и даже мультилингвизма), в качестве которого выступает не абстрактный «носитель языка», а вполне конкретная языковая личность XVIII века. Речь идет прежде всего о «культурных героях» этого славного времени: А. Д. Кантемир, уже упомянутый выше неутомимый труженик В. К. Тредьяковский, В. Е. Адогуров, А. А. Барсов, Г. Ф. Миллер, С. Я. Румовский, Г. Н. Теплов, В. М. Севергин и мн. др., среди которых важное, если не главное, место занимает выдающийся русский мыслитель М. В. Ломоносов.

Проект Института лингвистических исследований РАН «Словарь языка М. В. Ломоносова» направлен на системное описание идиолекта¹ Ломоносова лексикографическими способами, иными словами, – на подготовку словаря языка М.В.Ломоносова. Действительно, в огромном массиве научной, полунанучной и псевдонаучной литературы о Ломоносове совершенно забытым, задвинутым в дальний пыльный угол оказалось *живое слово* русского ученого, поэта и просветителя. Поэтому необходимо целостное, без исключений (а не фрагментарное и, главное, *субъективное* – когда содержанием такого «исследования» становятся несколько забавных или необычных слов, выхваченных из общего контекста идиолекта) филологическое исследование совокупности *всех слов всех* текстов М. В. Ломоносова. При таком подходе важным и *значимым* становится любой языковой факт в текстах Ломоносова, даже единичное (оказиональное), шутивное употребление финского слова *raha* ‘деньги’ в дружеском письме Ломоносова Якобу Штелину (АПСС 10: 545–546). Мы бы сейчас написали, что *позарез нужны бабки*, но Ломоносов был настоящий *академик* и *профессор*, поэтому применил более изысканный стилистический прием: употребил для создания комического эффекта словечко, которое оба слыхивали от

¹ «Идиолект – это система речевых средств индивидуума, формирующаяся на основе усвоения языка (мы бы добавили – форм языка или языковых регистров – *Авт.*) и развивающаяся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» (Щукин 1984: 83-84).

петербургских финнов. Задачей словаря, таким образом, станет не только раскрытие многогранной личности М. В. Ломоносова словарными методами, не только приобщение человека XXI в. к его неповторимому «семантическому» миру, но и лингвистическое исследование случая уникального исторического многоязычия – мультилингвизма Ломоносова, взаимодействия в его сознании трех языков – русского, латинского и немецкого. Заметим, что такое фундаментальное исследование, конечно, могло бы быть выполнено в рамках индивидуальной или коллективной монографии, но словарная форма все-таки остается более удобной.

Соответственно сказанному, «Словарь языка Ломоносова» должен бы состоять из трех основных частей: «Словаря русского языка Ломоносова», «Словаря латинского языка Ломоносова» и «Словаря немецкого языка Ломоносова». Объединение трех таких словарей в единый корпус пока кажется нереальным: метаязык такого гиперлексикона будет в достаточной степени сложным, непрозрачным и, следовательно, недружелюбным для пользователя. Бесспорно, что разработка подобного метаязыка представляет собой очень интересную теоретическую проблему, и поэтому он может быть когда-нибудь и кем-нибудь создан как изящная теоретическая модель. Звучит довольно пессимистично, однако вряд ли можно верить в то, что такая модель когда-нибудь будет воплощена в живую лексикографическую практику.

Один из таких словарей – «Словарь немецкого языка Ломоносова» представляет собой большой совместный проект Санкт-Петербургского университета и Института лингвистических исследований РАН, работы над которым начались в 2007 г. Главной исследовательской задачей словаря является исторический мониторинг уникального взаимодействия русской и немецкой культур в XVIII в. и возникшего в этой ситуации многоязычия М. В. Ломоносова.

Нужен ли такой словарь? Казалось бы, это вопрос совершенно риторический и подразумевает только один ответ: «Да, конечно нужен». Абсурдно «переобосновывать» актуальность, научную новизну и практическую ценность авторских словарей, тем более что эта тема уже давно глубоко проработана в теоретических трудах Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура, С. А. Венгерова, Б. В. Томашевского, Л. С. Ковтун, В. П. Григорьева и мн. др. выдающихся филологов русской школы. Так, одна из основателей петербургской («ларинской») школы авторской лексикографии проф. Л. С. Ковтун писала в 1968 году: «<...> словарное описание художественных сочинений необходимо, как известно, для решения многих проблем стилистики, лексикологии, семасиологии. Словарь большого писателя не может не содействовать развитию теории словесного искусства и росту литературного мастер-

ства. Независимо от того, какой из лингвистических словарей писателя перед нами, сведения, которые он дает, важны для решения научных задач» (Ковтун 1968: 5 – 6). Важно добавить, что в других национально-языковых сообществах, например, во Франции, только за вторую половину XX века составлены и опубликованы много новых авторских словарей, в том числе «Le vocabulaire de Zola» (1985); «Le vocabulaire de Victor Hugo» (1988), «Le vocabulaire de Descartes» (2011) и др. В Германии идет работа над «Luther-Register», завершается составление полного «Goethe-Wörterbuch». В Оксфордском университете закончена работа над составлением огромного (36 томов!) конкорданса к произведениям Шекспира, при том, что один из первых шекспировских конкордансов был подготовлен еще в конце XVIII века (см. подробнее об английской писательской лексикографии в книгах О. М. Карповой (Карпова 2004; Карпова, Коробейникова 2007; Карпова 2010)). На Украине составлены и выпущены в свет словари языка произведений Т. Г. Шевченко, писавшего, как известно, на русском и украинском языках (см. «Словник мови Шевченка» в 2 тт. Отв. ред. В. С. Ващенко. Киев, 1964; «Словарь языка русских произведений Шевченко» в 2 тт. Сост. В. М. Брицын и др. Киев, 1985 – 1986), идет работа над идиолектами современных украинских поэтов¹. Как мы видим, авторская лексикография никак не является «маргинальной» областью, идеи ее приобретают самые разнообразные воплощения. Такие издания создают фундаментальную базу для исследования фактов языка, кроме того, они имеют множество других разнообразных функций, как, например, те, которые описаны авторами исследования «Concordances in the Classroom» (1990).

В основе любого научного словаря находится, что уже общепризнано, обусловленная задачами проекта эмпирическая база – совокупность некоторых текстов. В нашем случае это совокупность текстов определенного автора. И если для словаря национального или литературного языка такая совокупность должна быть репрезентативной, т. е. включать все признаки и особенности генеральной совокупности, но не все ее элементы, то авторский словарь должен основываться только на *полном* корпусе текстов (тезаурусе) одного автора. Вспомним в этой связи слова проф. Б. А. Ларина о том, что «в словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить, пропускать. В нем должен быть показан — со всем мастерством и опытом экспозиции — авторский стиль» (Ларин 1962: 7). Большим недостатком научного проекта «Словарь языка Пушкина» стало, например, ограничение числа текстов, эвфемистически названное «принципом относительной полноты словника», а на

¹ Мовотворчість Павла Тичини у дзеркалі третього тисячоліття: Зб. наук. праць / Відп. ред. Г. М. Вокальчук. — Рівне; Острозь, 2011.

деле означавшее не что иное, как исключение из эмпирической базы словаря текстов великого поэта на французском, итальянском и др. языках¹. Как справедливо заметил известный критик и библиограф Н. И. Мацуев, автор сердитой рецензии на первый том «Словаря языка Пушкина», опубликованной в «Литературной газете» в начале 1957 года: «...» дама вошла в словарь, а *madame* – нет» (цит. по: Еськова 2013: 19). Причины такого решения заслуживают отдельного исследования, но, по-видимому, это было обусловлено не столько желанием авторского коллектива, как утверждал Г. О. Винокур «не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков» (Винокур 1949: 15), сколько особым психологическим состоянием: твердой, можно даже сказать *априорной* уверенностью многих (в том числе и современных) филологов-лексикографов в том, что билингвизм всегда имеет какие-то пределы и ограничения, что вторым языком билингв всегда владеет *хуже*, чем родным; написанные на французском языке стихи Пушкина, таким образом, «заведомо» хуже стихов на русском языке. При этом *историческое состояние* родного языка и культурно-языковая ситуация (традиции, обычаи, интересы, «кастовость», «мода», эстетические вкусы, речеповеденческие тактики² и т. п.) почему-то никогда не принимаются во внимание. Да и случаи «языкового обмена» (*Sprachvertauschung*), воспользуемся термином Г. Шухарта, остаются в стороне. Может быть, причиной такого отношения являются известные всем «недоработки» в преподавании иностранных языков в школе и вузе в советскую эпоху, и мы имеем дело с негативной ксенофобической или пуристической традицией? Может быть, это просто неуверенность и страх перед всем новым и непонятным, тем, что требует серьезного обдумывания и не имеет готовых решений?

Более того, складывается впечатление, что создатели авторских словарей отмахиваются под разными предлогами от работы с текстами на «неродном» языке «национального» автора. Причина такой «апатии» в том, что проблема метаязыка словарного описания иноязычных текстов, созданных билингвами, является недостаточно исследованной и не имеет

¹ Заметим, что именно так поступили немецкие коллеги в «Словаре языка Гёте» (Rolf Denker и Rose Unterberger), ср.: *abasso* ital: *unten* Als ich den Hausknecht nach einer gewissen Gelegenheit fragte, deutete er in den Hof hinunter. “Qui a. puo servirsi!” Ich fragte: “Dove?” — “Da per tutto, dove vuol” (Goethe-Wörterbuch: <http://woerterbuchnetz.de/GWB/?sigle=GWB&mode=Vernetzung&lemid=JA00036>).

² *Речеповеденческая тактика* – программа речевого и неречевого поведения, которая присуща носителю языка и является отражением его менталитета и культуры сообщества, к которому он принадлежит. Речеповеденческая тактика в значительной мере вербализуется с помощью клишированных и полуклишированных высказываний (см., например, Казаковская 2006).

готовых технологий, которые легко можно было бы применить.

Прислушаемся к мнению А. А. Потебни о поэтическом языке Ф. И. Тютчева: «Тютчев служит превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, или, наоборот, как в предчувствии направления, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек берется за тот или другой из доступных ему языков. Два рода умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собой, но сохраняя свою отдельность, через всю его жизнь, до последних ее дней (Потебня 1993: 165). Две языковых стихии в одном языковом сознании, таким образом, «переплетаясь между собой» взаимодействуют, обогащают, дополняют друг друга. При этом каждая языковая стихия (русская, украинская, немецкая, французская и пр.) не только уникальна, но и подчиняясь выражению творческой активности гения, по-своему, на свой особенный лад служит выражению неповторимых черт его творческой личности.

Итак, *полный*, т.е. охватывающий *все* тексты автора, в том числе написанные не на родном языке, авторский словарь вполне имеет все права на существование. Каким же на практике должен быть такой словарь?

Научный проект «Словарь немецкого языка Ломоносова» или, как члены авторского коллектива между собой называют его, «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII в.», направлен на составление универсального словаря тезаурусного типа, объединяющего в себе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, словарь собственных имен, словарь сочетаемости слов, словарь сокращений, а на последующих этапах осуществления проекта, возможно, частотный, обратный и идеографический словари. Задача словаря – инвентаризация и систематизированное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии и синтаксиса немецких текстов М. В. Ломоносова как отражающего сложившееся мировоззрение и личность ученого и, одновременно, характеризующего эпоху русского Просвещения. Основными *конституирующими признаками* такого словаря будут следующие:

- двуязычность словаря (он включит не только *всю* лексику *всех* текстов М. В. Ломоносова на немецком языке, но и предоставит пользователю их русские *аналоги* или информативные *толкования* этих слов на русском языке;
- использование конкорданса к немецким текстам М. В. Ломоносова как эмпирической базы словаря и как следствие этого – максимальная полнота словника, отказ от субъективного «отбора» слов;
- лексикографическое описание текстов разных жанров (научный текст, письма, деловые документы);

- демонстрация сочетаемости слова;
- особая роль иллюстраций, цитат, максимально полная инвентаризация примеров словоупотребления М. В. Ломоносова;
- показ явлений смешения кодов в немецких текстах М. В. Ломоносова;
- наличие системы реально-исторических, историко-лингвистических, редакционных комментариев;
- лексикографическая разработка собственных имен (топонимика и антропонимика);
- лексикографическая разработка сокращений;
- наличие особого «справочного отдела», задача которого – позиционировать лексический фонд идиолекта М.В. Ломоносова относительно лексического массива немецкого языка XVIII века. Для этого используются данные словарей немецкого языка XVIII века, устанавливающих «языковой фон» заголовочного слова, т.е. демонстрирующих функционирование лексической единицы идиолекта на фоне национального языка того времени.

Можно считать, что по своим главным характеристикам (словник, структура и наполнение словарной статьи, организация словарного материала и пр.) словарь будет весьма близок к тому особому типу толково-переводного словаря иностранного языка на русском языке (т. н. «русский Ларусс»), пути создания которого в «Опыте общей теории лексикографии» наметил Л. В. Щерба. Вот что он писал в 1940 году: «Многие, познакомившись с французским Ларуссом, считают его идеалом и предлагают просто переиздать его. Я тоже считаю его прекрасным словарем и достойным всяческого подражания. <...> Всячески поддерживая мысль об его переиздании – потому что это просто сделать – для старших курсов наших языковых вузов <...>, я тем не менее полагаю, что его, кроме того, надо перевести на русский язык и вообще сблизиться с ним на разных путях, т.е. создать новый тип *толкового французского словаря на русском языке* (выделено нами – Авт.)» (Щерба 1974: 302). В «Предисловии к русско-французскому словарю» Л. В. Щерба также пишет: «Совершенно очевидно, что для каждой пары языков нужно два объяснительных (толковых) иностранно-национальных словаря – для русских с объяснениями на русском языке, а для иностранцев – на их соответственных языках. Такие словари дадут возможность читать и понимать иностранные книги <...>, а также познакомиться с *истинной физиономией иностранных слов* (выделено нами – Авт.)» (Щерба 1974: 305). Так и словарь немецкого языка М. В. Ломоносова станет толково-историческим словарем языка той необыкновенно интересной, полной событиями, насыщенной острейшими культурными и языковыми конфликтами эпохи, в которую жил и

работал Ломоносов; кроме того, словарь покажет, пользуясь словами Л. В. Щербы, «истинную физиономию» немецкого слова XVIII века.

Какие функции может выполнять авторский словарь немецкого языка? Известно, что основными пользователями двуязычных и авторских словарей являются, конечно, переводчики, преподаватели, аспиранты и магистры, т.е. те, кого действительно интересуют тонкости семантики, нюансы словоупотребления, короче – какая-то специфическая информация о слове или словосочетании. Что такой словарь может им дать в практическом плане?

Бесспорно, что главной функцией всех авторских словарей является научно-описательная (Денисов 1980: 213; также: Шестакова 2011: 31). Как мы уже писали выше, принципиально важным при исследовании идиолекта Ломоносова является описание, создание «очерка» или «картины» немецкой компоненты идиолекта, так как полноценное описание и объяснение целого невозможно без описания и объяснения его частей. Против этого фундаментального методологического положения трудно что-либо возразить: оно было сформулировано еще Рене Декартом и Исааком Ньютоном. Описать идиолект – это значит, его систематизировать и исследовать компоненты его систем и подсистем, определить его место в многоязычном сознании Ломоносова. Научное описание идиолекта не может считаться полным без идеографического словаря (хотя ставить такую задачу сейчас не представляется возможным).

Вряд ли словарь немецкого идиолекта Ломоносова сможет выполнять *учебную* функцию, хотя возможно применение его материалов в каких-то особых учебных ситуациях: на лекциях и семинарах по двуязычной и общей лексикографии, занятиях по теории перевода, в лекциях и специальных курсах по истории немецкого языка, сравнительного и исторического языкознания, культурологии. Трудно себе представить такой словарь в функции нормативного словаря, т.е. выполняющим нормативную функцию; скорее он представляет собой некую вариацию словаря ненормативного.

В 2008 г. в статье, посвященной замыслу «Словаря немецкого языка М.В. Ломоносова» (Волков 2008), сделано предположение о том, что, поскольку факты для изучения прошлых состояний каждого национального языка часто, так сказать, «проявляются» в текстах, созданных не носителями языка (напомним здесь о программе по исследованию иностранных источников по обиходному языку Московской Руси XVI–XVII вв., задуманной проф. Б. А. Лариным), то, возможно, язык Ломоносова будет отражать некие ненормативные уникальные «осколки» или «фрагменты» профессиональной немецкой речи разнообразных социальных коллективов и групп того времени: студентов, бюргеров, рудокопов и плавильщиков, крестьян, цирюльников, ростовщиков,

трактирщиков и трактирщиц, солдат, матросов, бродяг и прочих «сливок общества», с которыми у него могли быть языковые контакты во время несчастливых странствий по Германии. Пока эту задачу не удалось реализовать полностью (хотя словарь еще не составлен окончательно), однако, некоторые небольшие достижения все же имеются. Например, в «Минеральном каталоге» (1745) можно найти следующую заметку: «Камни шлифованные <...> треугольный зеленый <добавлено Ломоносовым: по-латине лапись нефритикус, а по-немецки> **спекштейн** (АПСС 5: 274). По данным словаря И. Х. Аделунга слово **Speckstein** является родовым профессиональным названием для нескольких маслянистых на ощупь минералов, местными наименованиями которых являются Lavetzstein, Lendenstein, Schmeerstein, Serpentinstein, Topfstein. Все эти минералы, как указывает И. Х. Аделунг, входят в класс нефритов – *Lapis Nephriticus* (Ad. IV: 176). Итак, *спекштейн* – типичный профессионализм¹ немецких горных мастеров; а с точки зрения современной минералогии *спекштейн* (также *стеатит*, *мыльный камень*, *жировик*, *восковой камень*) – это мелкочешуйчатый плотный агрегат талька.

Похоже на то, что на главное место в «Словаре немецкого языка М. В. Ломоносова» выдвигается справочная функция. Словарь будет источником разнообразной энциклопедической и лингвистической информации о Ломоносове и его времени, о людях и реалиях его окружавших, а индексы, увеличивающие число входов в словарь, будут этому способствовать. Только в этом словаре можно будет, например, узнать, зачем Ломоносов распорядился приобрести для его Химической лаборатории *магнезию* (*Braunstein*), и насколько хорошо он владел этикетными правилами написания делового или личного письма. Словарь, безусловно, будет интересен и полезен для всех, кто захочет узнать больше о нашем великом соотечественнике, а также для специалистов по истории Академии наук, истории и культуре России XVIII в. Как словарь пассивного типа (т. е. словарь анализа речи), он будет направлен на достижение наиболее полного и точного понимания слова, т. е. рецепции информации, содержащейся в каждом конкретном слове в тексте Ломоносова. Самое главное: для тех, кто недостаточно хорошо знает немецкий язык и немецкую культуру XVIII в., словарь послужит своеобразным путеводителем в «немецкий мир» М. В. Ломоносова – ту важную сферу реализации его личности, которая до настоящего времени во многом была скрыта от современного исследователя.

¹ Отличительной чертой профессионализмов является, по мнению С. Д. Шелова и В. М. Лейчика, «большая или меньшая нормированность их употребления» (Шелов, Лейчик 2012: 48 – 49).

Литература

- Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиакковского // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка. СПб., 2013. С. 262 – 306.
- Бабаева Е. Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1 – 2. М., 2004.
- Винокур Г. О. Словарь языка Пушкина // Проект «Словаря языка Пушкина». М.; Л., 1949. С. 5 – 27.
- Волков С. С. Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII (чтения памяти проф. И. М. Тронского). СПб., 2008. С. 84–90.
- Волков С. С. Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова» // Вестник РГНФ. 2012. №3. С. 98–106.
- Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
- Еськова Н. А. Об одном эпизоде, связанном с выходом в свет первого тома «Словаря языка Пушкина» // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М., 2013. С. 23 – 29.
- Казаковская В. В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок». СПб., 2006.
- Карпова О. И. Английская лексикография. М., 2010.
- Карпова О. М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново, 2004.
- Карпова О. М., Коробейникова О. В. Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. М., 2007.
- Ковтун Л. С. Словарное описание семантико-стилистической системы писателя (о Словаре М. Горького) // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1968. С. 5 – 14.
- Ларин Б. А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 3–7.
- Манерова К. В. Немецкий язык М. В. Ломоносова (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого). // «Филологическое наследие М. В. Ломоносова»: коллективная монография. СПб., 2013. С. 418–428.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Киев, 1993.
- Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII века // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 7 – 34.
- Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265 – 304.

Щерба Л. В. Предисловие (к русско-французскому словарю) // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 304 – 312.

Шукин В. Г. О лингвистическом содержании понятия «идиолект» // Лингвистика и модели речевого поведения. Л., 1984. С. 76 – 85.

Шухардт Г. К вопросу о языковом смещении // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 174 – 184.

Tribble Chris., Jones Glyn. Concordances in the Classroom. Longman: Harlow, 1990.

Worth G. H. Thoughts on the turning point in the history of literary Russian: eighteenth century // International Journal of Slavic Linguistic. Vol. 13. The Hague, 1970. P. 125-145.

Сокращения

АПСС – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. М.; Л., 1950–1983.

Ad – *Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 2. Aufl. 4 Theile. Leipzig, 1793–1801.*

Е.А.Григина

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет МИД РФ)*

РАННИЕ РОМАНСКИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ: ЛАТИНСКАЯ ДОГМА И АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ

Грамматическая традиция, которую унаследовала средневековая Западная Европа от античности, связана с именами Элия Доната (IV в.) и Присциана (VI в.). Эти грамматисты стали авторами позднеантичных грамматик латинского языка, которые считались истиной в последней инстанции и служили образцом для подражания.

Донат определяет грамматику как науку правильно говорить и правильно писать. Сохранились два варианта его знаменитого сочинения «Искусство грамматики», превратившегося в своего рода школьный учебник для его современников и последующих поколений. Более сжатый вариант "De partibus orationis" ("Ars minor", Grammatici latini, IV, 355-366) посвящен описанию восьми частей речи. Более полный "Ars